

ливо высказал весьма критическое отношение к известиям о Руси, имеющимся в трактате Константина, „известного русофоба и потому не могущего в своих сообщениях о Руси быть объективным, к тому же писавшего издалека“.¹

Из предшествующего видно, что хотя во время написания трактата „О народах“ между Русью и Византией поддерживались постоянные торговые и дипломатические отношения, но эти отношения нельзя назвать нормальными. В них ясно чувствуются натянутость и недоброжелательство. Об этом говорит содержание глав 4—6 сочинения Константина, в которых, как уже указывалось, император оправдывает необходимость союза и дружбы Византии с печенегами, ссылаясь на враждебность к империи русских и венгров.² О напряженности русско-византийских отношений свидетельствует и глава 13, в которой византийский император жалуется на алчность к деньгам, неуместные требования, дерзкие домогательства северных народов (хазар, венгров и русских) — и настаивает своего сына, как отклонять эти домогательства. По словам Константина, хазары, венгры, русские и другие „скифские“ народы часто добиваются присылки им принадлежностей императорских одеяний, венцов и другого убранства, часто требуют от императора выдачи секрета жидкого огня, выбрасываемого из труб. Некоторые народы из „этих неверных и худородных жителей севера“ требовали даже „войти в свойство с императором Ромейским“ и „либо взять его дочь в невесты, либо дать собственную дочь в жены императору и императорскому сыну“. Константин рекомендует первые два домогательства отклонять указанием на „божественные установления“, запрещающие будто бы выдавать кому бы то ни было принадлежности императорского облачения и раскрывать тайну жидкого огня. На третью же „неразумную и неприличную просьбу худородных народов севера“ Константин считает уместным отвечать ссылкой на запрет Константина Великого — запрет, по которому император Ромейский никогда не должен вступать в свойство с народом, имеющим несходные и чуждые обычаи, — за исключением, впрочем, одних только франков. Если императоры-иконоборцы нарушали этот запрет, то ведь они были еретиками и за это преданы церковью анафеме. Если Роман Лакапин породнился с болгарами, то он был простец, человек необразованный, узурпатор; он получил за это заслуженное наказание при жизни и подвергается осуждению и по смерти.³

Рассуждения Константина Багрянородного в главе 13 ярко иллюстрируют то высокомерие, с которым византийские политики X в. продолжали относиться к „неверным и худородным жителям севера“ — хазарам, венграм и русским.

Отсутствие нормальных отношений у Византии с Русью подтверждается далее результатами поездки русской княгини Ольги в Константинополь в 957 г. Это путешествие Ольги было важным политическим шагом. Ольга предприняла его не только для того, чтобы принять христианство, но и для того, чтобы договориться с византийским правительством по всем вопросам, затрагивающим русско-византийские отношения. Император, конечно, не преминул поразить Ольгу пышностью и великолепием константинопольского двора, но поездка ее не привела к ожидаемым результатам. Ольгу и русских принимали как очень важных послов, но все же — только как послов. Между тем, Ольга —

¹ Б. Д. Греков. Ук. соч., стр. 275.

² См. выше, стр. 16.

³ De adm. imp., p. 114—118.